

I. Гарза Томас. Вампиры в славянских культурах (The Vampire in Slavic Cultures. Revised Edition. By Thomas J. Garza. Cognella, Ca, 2010. ISBN: 978-1-934269-67-1)

Аннотация

В обзоре сборника «Вампиры в славянских культурах» (составитель — Томас Гарза) содержится детальная характеристика издания, представляющего богатый материал по генезису и бытованию образа вампира в европейской культуре, главным образом, Балкан и стран Южной и Восточной Европы. Описываемое издание ставит целью продемонстрировать связь вампиров с оборотничеством и колдовством, выявить элементы двоеверия и взаимовлияния различных национальных культур. В обзор включены примеры малоизвестных рассказов о вампирах в их связи с защитными ритуалами и похоронными обрядами. Он также даёт представление об основных идеях статей хрестоматии Т. Гарзы, подробно рассматривающих поверья о вампирах, выбранных из редких изданий в широком спектре от судебных и церковных документов до полевых записей и литературных произведений.

Ключевые слова: фольклор, этнография, магия, похоронный обряд, защитный ритуал, вампир, упырь, оборотень, волкулак, еретик, ведьма, штрига, табу, оберег

Abstract

The review of the book “The Vampire in Slavic Cultures. Revised Edition”. Thomas J. Garza (Cognella, Ca, 2010) ISBN: 978-1-934269-67-1) contains the detailed characteristics of the publication presenting rich material of genesis and existence of a vampire image in European culture, mostly on the Balkans and the countries of Southern and Eastern Europe. The reviewed publication sets goals to demonstrate the connection of vampires with shape-shifting and witchcraft, identify the elements of dual-faith and mutual influence of different national cultures. The review includes examples of little-known stories about vampires in their connection with protection rituals and burial rites. The review also presents the main ideas of T. Garza’s book, which takes a detailed look at the vampire theme narratives, selected from rare publications, in the wide range from the court and Church documents to the filed records and literature.

Keywords: folklore, ethnography, magic, burial rites, protective ritual, vampire, upyr, shape-shifter, werewolf, eretik, witch, striga, taboo, amulet

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-527-539

Составитель и редактор сборника «Вампиры в славянских культурах» Томас Гарза — директор Центра иностранных языков Техасского Колледжа свободных искусств, преподаватель кафедры изучения славянства и евразийства Техасского университета в Остине, автор работ по современной

молодежной русской культуре и языку. Т. Гарза — профессор, читающий курсы «Русская сказка» и «Образ вампира в славянской культуре», поэтому его интерес к европейской и славянской этнографии и фольклору вполне закономерен.

В объемном томе, созданном в качестве хрестоматии к собственному авторскому курсу, Гарза делает попытку представить тему — вампиры и оборотничество — с максимальной полнотой. Для этого им привлекаются разнообразные источники: исторические документы (включая судебные материалы) и комментарии к ним; религиозные, фольклорные, литературные произведения; литературоведческие статьи, этнографические, естественнонаучные и медицинские очерки. Цель автора — показать формирование образа вампира в европейском и, прежде всего, в славянском контексте. Таким образом, задачей составителя стало выявление прообразов и источников появления образа вампира, анализ вариативности типов его изображения на Балканах и у славянских народов. Книга Гарзы — скрупулёзно составленная хрестоматия по «вампироведению» с экскурсами в современную российскую культуру. Её отличает детальность изложения материала, подчас довольно пестрого и повторяющегося, что, по-видимому, неизбежно при использовании таких источников, как словари и энциклопедии. И если такой подход к отбору материалов не идёт книге на пользу, то ценность ей придают публикации отрывков редких этнографических данных из малоизвестных источников, а также впервые переведенные на английский язык восточнославянские тексты.

Сборник «Вампиры в славянской культуре» имеет десять частей и начинается с определения того, что такое «вампир», рассказывает о происхождении этого персонажа, проводит его сравнение с «волкулаком». Автор также рассматривает термины «упырь», «еретик», «демон», упоминая при этом таких мифологических персонажей, как Лилит, Гарпии и птица Сирин. В книгу включены два исторических очерка о Владе Дракуле и Елизавете Батори, считающихся прообразами славянских поверий о вампирах. Далее следует подборка переводов двенадцати рассказов о вампирах из различных славянских стран: Болгарии, Черногории, Чехии и др., включая три текста русского происхождения. По аналогичному географическому принципу построена и следующая часть — «Ранние истории о вампирах», в которой Россию представляет фрагмент рукописи о Дракуле из коллекции Салтыкова-Щедрина (собрание Кирилло-Белозерского монастыря РНБ). Гарза не обошел вниманием и литературный материал, поместив в девятой части семнадцать прозаических произведений о вампирах, из которых двенадцать — русская, советская и современная российская проза. После небольшого текста о способах защиты от вампиров следует заключительная часть книги, состоящая из пятнадцати глав, посвященная образу вампира в современной российской культуре.

Первая часть хрестоматии Гарзы содержит определение понятия «вампир». Здесь собраны сведения из англоязычных толковых словарей и энциклопедий конца XX — начала XXI вв., а также примеры из классики (Дж. Байрон). Среди словарных и энциклопедических выдержек встречаются фрагменты славянских поверий, например, одна из главок — перевод Гарзы словарных статей об упыре и вампире из «Мифологического словаря» под редакцией В.Я. Петрухина. Поскольку автор задался целью учесть максимальное количество материала, то завершает эту часть компиляция из публикаций, рассказывающих о судебных делах XIX–XX вв., в которых обвиняемыми были люди, считавшие себя вампирами.

Вторая часть сборника Гарзы представляет собой подборку статей о вампирах. Наиболее интересной в плане презентации русского материала является работа филолога Феликса Ойнаса «Еретики — вампиры и демоны в России» (Felix Oinas. “Heretics as Vampires and Demons in Russia”. *Slavic and East European Journal*, 22, 4, winter 1978, с. 433–441), в которой автор рассказывает об ассоциируемых с вампирами «еретиках» («еретниках») на российском Севере и в Сибири, подробно цитируя ряд классических работ (Д.К. Зеленин, А.П. Звонков и др.). Ойнас проводит параллели между русским материалом и отождествлением «еретиков» с вампирами — с демонизацией сарацин на Крите, возникшей как историческая память о 140-летнем периоде оккупации острова. В статье подробно рассматриваются такие персонажи, как «ерестун», «еретник», «еретница», «полуверец», «заложный покойник» и упоминается их связь с «упырем».

Остальные статьи этой части сборника Гарзы описывают историю поверий, связанных с вампирами. Составитель прослеживает их со времени Древнего Египта, подробно останавливаясь на церковных преданиях и на южнославянском фольклорном материале, и заканчивая биографиями Влада Цепеша и Елизаветы Батори. Самой примечательной в этой части сборника является статья Раймонда МакНалли и Раду Флореску «Вампиризм и старый фольклор» (Raymond MacNully, Radu Florescu. “Vampirism: Old World Folklore”) из книги «В поисках Дракулы» (“In Search of Dracula; The History of Dracula and Vampires”, 1994). Необычным представляется подход авторов, которые пытаются выявить и проанализировать компоненты, из которых постепенно создавался современный образ вампира в США. Для этого используется комплексный метод, включающий как библейские сюжеты, так и естественнонаучные описания, например, особенности поведения вампировых (десмодовых — *Desmodontinae*) летучих мышей. Для того чтобы увидеть, как встраивался, видоизменялся, образ вампира в современную культурную среду (кинематограф или прозу), статья даже затрагивает сюжеты комиксов. Далее прослеживается влияние образа фольклорных преданий на массовую культуру, а также на судебные процессы прошлого века. В результате появился новый термин судебной медицины «вампиризм», объясняющий поведение

определенной группы преступников или их болезненным состоянием в результате генетически обусловленного заболевания «порфирия», или психиатрической патологией.

В той же части хрестоматии Гарза помещает извлечения из двух книг. Первая — знаменитая работа Д. Фрезера «Золотая ветвь», истолковывающая значения праздников огня верой в его защитные свойства от колдовства и нечистой силы. Вторая — глава о колдунах-вампирах из «Русских фольклорных верований» профессора Государственного университета штата Пенсильвания Линды Иваниц (Linda Ivanits “Russian Folk Belief”, 1992).

В третьем разделе книги представлены возможные источники образа вампира: здесь и «Эпос о Гильгамеше», статьи о демоне «Лилит», о мексиканских вампирах из «Энциклопедии вампиров, оборотней и других чудовищ» (Rosemary Ellen Guiley “The Encyclopedia of Vampires, Werewolves, and Other Monsters”, 2005), а также материал о Сирине (перевод Гарзы из русской Википедии).

Четвертый раздел включает три статьи об оборотнях, и эта подборка объединена идеей противопоставления оборотней и вампиров. В них используется разнообразный материал: античная римская поэзия, скандинавский эпос и славянский фольклор (заговоры из «Песен русского народа» И. П. Сахарова), документы католической церкви, данные европейской ономастики, современная европейская литература, медицинские определения клинической ликантропии, а также история кинематографического образа оборотня.

В этом разделе интересны две статьи. Первая — выдержка из книги Дэвида Кейворта «Докучливые трупы: вампиры и выходцы с того света, от античности до нашего времени» (David Keyworth “Troublesome Corpses: Vampires and Revenants from Antiquity to Present,” 2007). «Ликантропия и живые мертвецы» содержит очень пестрый материал: европейский эпос, греческий, сербский, украинский, румынский, цыганский фольклор; труды по психиатрии, касающиеся ликантропии, которую лечили диетой и травами, как вид тяжелой депрессии или такого психического расстройства как «раздвоение личности». При этом автор привлекает материалы по демонологии, трактующие случаи оборотничества как одержимость дьяволом, и судебные дела XVI–XVII вв. В последних можно найти немало сведений о взаимоотношениях ведьм и оборотней, поскольку в некоторых рассказывается и об их конфликтах, и о том, что ведьмы сами могут оборачиваться в волков. Интересно, что, анализируя случаи насильственных смертей, совершенных с особой жестокостью, иногда с эпизодами каннибализма, в которых обычно обвиняли оборотней, автор полагает, что они — ранние свидетельства серийных убийств.

Другим оригинальным источником, который использует Гарза в этом разделе, являются цитаты из Рене Декарта и дуалистические идеи картезианства, которые, как это ни парадоксально, привлекаются в качестве подтверждения веры в оборотничество. Фольклорные источники, главным образом, балканского

региона, иллюстрируют поверья о том, что животные, особенно собаки и волки, не любят вампиров и нападают на них. Все эти рассказы в той или иной степени сближают образы оборотня (живого человека, способного к оборотничеству) и вампира (живого мертвеца), иногда их отождествляя. Гарза не утверждает, что оборотень и вампир — один и тот же фольклорный персонаж, но приводит примеры поверий о том, что вампир может оборачиваться волком или собакой гигантских размеров.

Пятый и шестой разделы хрестоматии — серии очерков, посвященных историческим прообразам вампиров — фольклорных, литературных и кинематографических, а именно, Владу Дракуле и Елизавете Батори. Эта часть мозаична: тут и очерки, близкие по стилю к языку туристических путеводителей, рассказывающие, как добраться до замка Дракулы, и выдержки из его биографии. В том же ключе представлена глава о Елизавете Батори, называемой в западных источниках «Дракулой в женском облике», с одним только отличием, что в ней уделяется больше внимания образу «кровавой венгерской графини» в литературе (влияние на прозу Брэма Стокера) и кинематографии.

За историческими очерками следует одна из самых объемных частей хрестоматии Гарзы — «Вампиры в славянских преданиях». После вступления, дающего понятие, кто такие славяне, о крещении Руси и истории письменного языка, приводятся теории о возникновении самого слова «вампир» и его варианте — «упырь» в различных славянских языках; в русском фольклоре рассматривается также термин «еретик». Одна из версий, обоснованная Яном Перковским (Jan Perkowsky. *The Darkling: A Treatise on Slavic Vampirism*, 1989), привязывает зарождение персонажа к Балканскому полуострову (IX век). Сам фольклорный образ, по мнению Перковского, возник в результате конфликта язычества и христианства с «закваской» дуалистических идей богомилства (Македония, X век). С победой христианства рассказы о вампирах постепенно трансформировались в ряд сказаний низшей демонологии. Что касается взгляда автора на причины появления вампиров, то, по его мнению, их было несколько: отклонения в традиционном укладе жизни (такие как нарушения табу, касающихся зачатия, произошедшего в день, когда телесные сношения супругов были запрещены), патологии новорожденных (натальные зубы), аномалии смерти (самоубийцы) или погребения. Относительно современного бытования этих рассказов, отмечается заметное снижение их числа в славянских странах. Один из авторов этого раздела хрестоматии, Гордон Мелтон (J. Gordon Melton “*The Vampire Book: The Encyclopedia of the Undead*”, 1999), находит объяснение этому в реалиях современной жизни: все больше функций погребального ритуала берет на себя похоронное бюро, и все меньше в них участие семьи. Мелтон — также автор главы о вампирах Болгарии, в которой он обращает внимание на веру в важность соблюдения всех запретов и ритуалов при подготовке к похоронам, нарушение которых может привести

к печальным последствиям. Например, пока тело не погребено, нельзя, чтобы через него перескочила кошка, собака или на него упала чья-нибудь тень. «Кандидатами» в вампиры были умершие насильственной смертью, отлученные от церкви, опойцы, воры, убийцы и ведьмы. В этой же статье приводится рассказ об оригинальном способе борьбы с вампиром, когда «охотник» с иконой в руках загонял подозреваемого в вампиризме в бутылку, в которую была заранее помещена его любимая еда; потом бутылку закупоривали и бросали в огонь. Г. Мелтон также отмечает, что в Македонии существовало вера в то, что рожденные в субботу обладали особой властью над вампирами, и поэтому именно они в субботний день могли опознать вампира, загнать его в ловушку и убить.

Интересные свидетельства приводятся в выдержке из статьи британской путешественницы и антрополога Мери Эдит Дурам «О магии, ведьмах и вампирах на Балканах» (M. Edith Durham "Of Magic, Witches and Vampires in the Balkans", 1923), написанной по наблюдениям 1900–1920-х гг. Среди таковых черногорский рассказ о возвращении умершего жениха к невесте, а также поверье о превращении kota в вампира, если он перескочит через мертвого. Другая группа рассказов («кладбищенская») — о том, что вампир может вернуться в могилу, обернувшись мышью; найти его может мальчик верхом на черной лошади (по албанской версии — на белой) — конь испугается такой могилы и откажется через нее переступить; в Хорватии было записано поверье о том, что мёртвые вампиры издают звуки, схожие со вздохами животных. М. Дурам пытается дать этому естественнонаучное объяснение, связывая возникновение таких историй с эпидемическими заболеваниями людей и скота. В подтверждение своей теории она приводит случай в Боснии, где рассказы об активности вампиров совпали с длительным периодом эпидемии тифа, когда жители критиковали власти за запрет сжигать тела усопших, подозреваемых в вампиризме. В том же регионе были распространены поверья о ведьмах, обрачивающихся мотыльками, пчелами или мухами, проникающими в дом через замочную скважину и сосущими кровь, что приводило к медленной смерти. Это исследовательница также объясняет естественными причинами — малярией.

В Албании, по которой она путешествовала, были записаны рассказы о ведьмах-«штригах» (Shtriga), которых иногда можно определить по необычно ранней седине. По ночам они уходят в укромное место, где их рвёт высосанной кровью. Эту кровь можно использовать для изготовления защитных амулетов, а умирающего от укуса можно спасти, если заставить штригу плюнуть в жертве в рот.

Название ведьмы-вампириши «штрига» родственно словенскому «стригон». В этой связи интерес представляет приведенное историческое свидетельство (Барон Ян Валвасор) о казни вампира в Истрии в XVII веке. Несмотря на существовавший в Сербии и Черногории запрет участвовать духовному лицу

в ритуалах с расчленением трупа предполагаемого вампира, в описываемом случае казнь с пробиванием тела колом из боярышника и последующим обезглавливанием сопровождал ритуал экзорцизма. Священник обычно присутствовал и при «вторичном» погребении вампира, читая заупокойные молитвы. Кроме вышеупомянутых известных способов казни и защитных ритуалов над трупом предполагаемого вампира, существовали и другие: ошпаривание тела, забивание гвоздя в пупок, укладывание серпа на шею при вторичных похоронах, а также обычное в Черногории и Албании подрезание сухожилий. В могиле иногда рассыпали просо, веря, что вампир не выйдет до рассвета, считая зерна.

Кроме материалов XVII века, в этой части хрестоматии приводятся более поздние, 1720–1730-х гг., свидетельства активности вампиров в славянских странах, а именно, в Сербии, найденные в судебных архивах. Примечательно, что эти документы вызвали большой интерес среди богословов и послужили поводом к написанию ряда исследований, в одно из них вкралась географическая ошибка, благодаря которой в массовом сознании «очагом» появления вампиров стала считаться Венгрия, а не Сербия.

Свою лепту в распространении поверий о вампирах также внесло и многочисленное цыганское население Балканского полуострова, которое оказало определенное влияние на местный фольклор, привнеся в него элементы индийской мифологии, например, веру в Черную Деву (отголосок поверий в богиню Кали). При этом сам цыганский фольклор о вампирах («мулло», что значит «мертвец») близок балканскому, к примеру, убеждение в неизбежности превращения самоубийцы в вампира. Балканские цыгане верили в защитные свойства не только дерева (ясеня и боярышника), но и металла. Так, чтобы предотвратить возвращение вампира в мир живых, использовали сталь: стальной иглой пронзали сердце или живот, кусочки стали клали в рот, за уши, у носа и между пальцами умершего, и одним из лучших защитных амулетов считалось ожерелье со стальным гвоздем. Хорошим предохранительным средством от вампира считалось присутствие на похоронах разнополых близнецов, рожденных в субботу, причем белье на них должно было быть надетым наизнанку. В похоронных ритуалах этой группы населения уничтожение трупа вампира практиковалось нечасто, поскольку он считался опасным только 40 дней после смерти. Среди балканских цыган была распространена вера в особую роль собак и волков, преследующих вампиров; бытовали рассказы о белых волках-защитниках, без которых мир бы был уничтожен «живыми мертвецами». Интересно, что некоторые функции вампиров, упоминающиеся в таких поверьях, схожи с проказами домового, например, шум ночью в доме или телекинез. И среди цыган, и в некоторых балканских регионах были зафиксированы нетрадиционные воззрения о том, что вампирами могут стать животные, растения (тыква, дыня) и даже предметы, например, не используемые три года части ярма.

Небольшая часть этого раздела сборника Гарзы посвящена вампирам в России. Предположительно первое свидетельство (1047) существования веры в вампиров — упоминание имени Упырь Лихой, который был переписчиком «Книги Пророков», хотя автор считает имя болгарским заимствованием. Однако необходимо отметить, что известна и другая версия происхождения этого имени, предложенная филологом-славистом Андерсом Шёбергом о том, что переписчиком был швед-рунорезец Эпир, возможно, живший какое-то время в Новгороде, и в этом случае его имя не имеет ничего общего с «вампиром». В современном русском языке слово «упырь», вероятно, заимствованно из украинского. Этот персонаж ассоциируется с колдуном и ведьмой, еще чаще — с еретиком, то есть, человеком, отлученным от церкви (сектантом), или занимающимся колдовством. В России, пишет автор, привлекающий исследование Д. К. Зеленина о заложных покойниках и умерших неестественной смертью, понятия вампира и еретика слились, и в результате появилось верование о посмертном превращении еретика в вампира. В качестве примера приводится сказка из сборника А. А. Афанасьева о солдате и колдуне-вампире.

Заканчивается глава рассуждением о возникновении образа вампира и ожившего мертвеца в русской литературе. Автор отмечает появление интереса к теме со времени первых переводов зарубежных писателей-романтиков (Э. Т. Гофмана) и дальнейшее её развитие в русской литературе (А. К. Толстой и Н. В. Гоголь), упоминает экранизации их произведений. В качестве примера литературных обработок поверий о вампирах приводится отрывок из первого тома «Разоблаченной Изиды» Е. П. Блаватской.

Интересной частью этого раздела хрестоматии Гарзы является выдержка из книги британского театроведа, литературоведа и автора книг по демонологии М. Саммерса «Россия, Румыния и Болгария» (Montague Summers. "Russia, Rumania, and Bulgaria" from "Vampirein Europe", 1929 г.). Посвященный России раздел включает свидетельства иностранных путешественников, арабских и византийских, историка Феофилакта Симокатты, Льва Диакона и др. о славянах и их погребальных обычаях; даётся ссылка на А. А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» (1868); цитируются былички в переводе В. Рольстона (Русские сказки. Лондон, 1873); приводится содержание былины о Потыке; упоминается тип могильного памятника — гол(у)бец и послепохоронный ритуал трехкратного прикладывания рук к печи. В дополнение к этим материалам, иллюстрирующим веру в вампиров и меры, помогающие предотвратить возвращение мертвых, Саммерс публикует историю о вампире, переданную ему другом в 1905 г., тому же, в свою очередь, рассказал его знакомый, некий капитан Покровский. Когда последний гостил в имении своего дяди в Литве, он услышал рассказ об одном богатом крестьянине, который после второй женитьбы стал чахнуть. Односельчане говорили, что причиной его бледного вида и плача по ночам является вампир. Доктор констатировал необъяснимую потерю крови без видимых внешних повреждений,

кроме небольшой ранки на шее. Вскоре крестьянин умер, а его вдова была вынуждена уехать из деревни, так как все считали ее ответственной за смерть мужа.

Славянские материалы раздела дополняет рассказ о вампире Даханавар (опубликован Августом фон Гакстгаузеном в 1854 г.) из окрестностей Арарата, сосущем кровь из ног спящих путников, однако большую часть составляют поверья Юго-Восточной Европы — многочисленные поверья о румынских вампирах. Например, упоминаются обычаи эксгумации трупов соответственно возрасту умершего: ребенка на 3-й, юноши или девушки на 5-й год и взрослого на 7-й год после смерти, когда возможного вампира определяют по степени разложения тела. В румынском фольклоре потенциальным вампиром может стать самоубийца, ведьма; несправедливый человек (например, лжесвидетель); седьмой ребенок в семье, если все дети одного пола (обычно его можно определить по маленькому хвостику); родившийся в «сорочке» (что противоречит европейским поверьям, наделяющим таких людей свойствами исцелять или удачливостью); некрещеный младенец. Если могила не осела через 7 лет, это считается признаком того, что в ней похоронен вампир. В вампира может превратиться даже еще нерожденный ребенок, если на женщину на сносях посмотрит вампир или если во время беременности она не ест соль. Упоминается о важности похоронных ритуалов, предотвращающих превращение в вампира: например, нельзя, чтобы через труп перескочило животное, перешагнул человек или на него упала человеческая тень; самоубийцу перед похоронами кладут в реку или ручей, чтобы вода «смыла» колдовство.

Ряд приведённых в этой части книги поверий связан с путешествующей душой спящего вампира или ведьмы. В качестве доказательства приводятся материалы судебных дел XVIII в. и фольклорные записи, сделанные не только в Румынии, но и в Эстонии, Латвии и Сербии, о том, что душа нежити летает в виде мухи или бабочки. В таком случае, перевернув спящего головой в другую сторону, можно уничтожить вампира, потому что душа его не найдет дороги обратно. В эту часть хрестоматии включены выдержки из работ английской фольклористки Агнес Мургоч (Agnes Murgoci), публиковавшей румынские материалы в 1920-е гг. По её мнению, существовали две категории вампиров: «мертвые», ставшие вампирами после смерти, и «живые», которым по ряду причин суждено стать вампиром после смерти. Они могут общаться между собой, и последние (женщины среди них преобладают) могут, подобно ведьмам, оборачиваться в разных животных, обладают магической способностью забирать энергию и колдовать (например, делать так, чтобы пчелы летали только к их ульям). Чтобы предотвратить трансформацию «живого» вампира в «мертвого», был выработан специальный похоронный обряд. Согласно ему, в рот мертвеца кладут чеснок, а под ногти, в рот, в уши и нос — мелкие камешки или зёрна (часто просо), чтобы задержать вампира в могиле, так как он сначала будет вынужден удалять их. Тело обязательно кладут ничком, а в случае повторного погребения

поворачивают так, чтобы голова оказалась там, где были ноги; на гроб, на пороги домов и на заборы вешают гирлянды шиповника или чертополоха. Все эти ритуалы были настолько распространены, что о них остались свидетельства в церковных документах начала XIX в. и в записях 1910-х гг. этнографа Тюдора Памфайла (Tudore Pamfile). Что касается церковных архивов, то в большинстве своем это инструкции, рассылавшиеся духовным лицам на местах, как вести себя в случаях стихийных ритуальных эксгумаций и кремаций. Последние совершались с двойной целью: избавления от вампира и изготовления средств излечения их жертв. Например, сжигали сердце и печень, чтобы изготовить из их пепла напиток, обладающий защитной функцией, который давали пить детям из семьи вампира.

Особо Соммерс отмечает веру в могущество святого Георгия, который может защитить от нечистой силы и вампиров. Парадоксально, но полагали, что наибольшая их активность приходится на канун праздника этого святого. В Швабии существовал обычай звонить в колокола всю ночь, т.к. при этих звуках нечисть теряла свою силу. В Румынии в канун этого праздника переворачивали кухонную утварь, не зажигали свет, клали на окна чеснок, старались не спать всю ночь и молились. Нельзя было отзываться, если кто-то звал по имени — надо было ждать, когда повторят имя трижды, поскольку считалось, что вампир не может этого сделать. Человек, решившийся заснуть в эту ночь, обязательно должен был положить под подушку нож. Соммерс также пишет о вере в вампиров в Болгарии. Там считалось, что это состояние передается по наследству, и чтобы это предотвратить, дети из таких семей должны были особенно строго выполнять церковные обряды. Считалось, что вампир возвращается на девятый день после похорон, и его присутствие можно заметить по искрам в темноте или по тени на стене.

Заканчивается этот объемный славянский обзор преданий о вампирах главой, посвященной чешскому и словацкому фольклору. Он представлен выборкой из книги «Книга вампиров: Энциклопедия нежити» под редакцией Гордона Мелтона (John Gordon Melton. “The Vampire Book: The Encyclopedia of the Undead”, 1999). В Чехии и Словакии вампира называли «упырь» и верили, что у него было два сердца и две души. Последнее можно было определить по виду умершего, например, если у него были открыты глаза и два завитка в волосах. Ранние рассказы о вампирах в этих регионах были опубликованы американским филологом Э. Эвансом в его книге «Уголовное преследование и смертные приговоры, вынесенные животным» (E. P. Evans. “Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals”, 1906).

Другим ценным источником документальных свидетельств о вампирах является книга юриста Ч. Шерца, выразившего озабоченность католической церкви незаконными эксгумациями (Charles Ferdinand de Schertz. “Magia Posthuma”, 1704). В этой предположительно самой ранней публикации документов о вампирах указывается, что казнь вампира посредством сожжения

должна производиться только назначенным палачом и только после вынесения вердикта врача и духовного лица. Рассказы, датируемые XIV–XVIII вв. и записанные на территории Богемии и Моравии, обычно повествуют о вампире, терроризирующем жителей деревни, часто своих бывших соседей; его жертвы умирают на восьмой день, и иногда в доме покойника наблюдается полтергейст. Если эксгумированное тело не разложилось, его пронзают колом, но если и это средство не действует (в одной истории ведьма-вампириша использовала такой кол как оружие), тело сжигают.

Поверья о вампирах были живы в Словакии еще в середине XX в. Автор ссылается на работы фольклориста Яна Мьяртана (Ján Mjartan «Vampírske poverý v Zemplíe». *Slovenský národopis*. (1953) Vol. 1: 107–134. [Bratislava: Slovenská Academia Viéd]). К типичным описаниям причиняемого вампирами вреда исследователь добавляет ценные сведения о том, как, например, предотвратить их выход из могилы. Тело из дома выносили вперед головой, а по возвращении с кладбища руки мыли и держали над очагом. Предохраняющими средствами являлись также предметы с христианском символикой, (серебряные) монеты, определенные травы, семена, которые помещались в гроб; мак или просо, которые засыпались в глаза, рот, уши и ноздри умершего; гвоздями было принято прибивать одежду и волосы покойника к гробу. Традиционно практиковалось пронзание сердца железным или дубовым клином, шляпной булавкой, колышками (или шипами) терновника.

Вторая часть сборника Гарзы — это подборка статей, посвященных различным жанрам, в которых так или иначе отразились поверья о вампирах. Эта часть отличается особой пестротой: сюда включены переводы судебных дел; анализ фильмов о Големе (как о смешении чешских легенд и еврейского Талмуда); сербский рассказ (1718 г.) о Петере Плохойовице, самоубийце, подобно «Сапожнику из Силезии» (XVI в.), ставшем вампиром; выдержки из книги научного сотрудника Музея истории культуры Фаулер в Калифорнии Пола Т. Барбера «Вампиры, похороны и смерть: фольклор и реальность» (Paul T. Barber. “Vampires, burial and death: Folklore and Reality”, 1988). Эти истории интересны тем, что представляют собой документальные свидетельства событий, поскольку на следствиях присутствовали юристы и медики, кроме того, они полны малоизвестными деталями, касающимися вампиров. Например, история Арнольда Паоле, ставшего жертвой вампира: чтобы избежать превращения, он предпринял ряд мер — ел землю с могилы напавшего на него мертвеца и мазал себя его кровью, однако, это не помогло ему уйти от предначертанного превращения после внезапной смерти. После его похорон в деревне умерло 17 человек. После проведения эксгумаций на местном кладбище почти у дюжины покойников были обнаружены признаки вампиризма. Цыгане отрезали вампирам головы, которые затем сожгли вместе с телами, а пепел высыпали в реку.

Восточно-европейский материал данного раздела хрестоматии Гарзы представлен впервые переведенным на английский язык текстом рукописи «Сказания

о Дракуле» из собрания Кирилло-Белозерского монастыря (11/1088, лл. 204–217, 1491; перепечатка из книги «В поисках Дракулы: история Дракулы и вампиров» (Raymond T. McNally, Rada Florescu “In Search of Dracula: The History of Dracula and Vampires”, 1994)). Главы 42–58 рукописи вошли в часть сборника, озаглавленную «Литературный вампир», в которую составителем включены также различные авторские произведения, литературоведческие эссе и статьи кинокритиков. Среди вошедших в эту часть авторов, — Брем Стокер, Ян Неруда; классики русской литературы — Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев; писатели прошлого века — М. А. Булгаков (фельетон «Когда мертвые встают из гробов» и отрывок из «Мастера и Маргариты»); из современных — В. О. Пелевин «Проблема вервольфа в средней полосе» и С. В. Лукьяненко «Ночной дозор» (гл. 1). Эту часть хрестоматии Гарза дополняет также текстами современных песен на «вампирускую» тему.

Между ними, по нашему мнению, не вполне логично помещена отдельная двухчастная глава. Первая часть — «Защита от пьющих кровь» (“Protection from Blood Drinkers”) — представляет собой отрывок из книги журналиста Константиноса «Вампиры: оккультная правда» (Konstantinos “Vampires: The Occult Truth”, 1999), в которой суммируются основные способы защиты от вампиров. Вторая часть — это глава из книги писателя и переводчика Брюса МакКлелланда «Охотники и их вампиры» (Bruce A. McClelland “Slayers and their Vampires”, 2006), интересная тем, что повествует о реальной исторической личности — Ван Светене (Gerard Van Swieten) — главном враче при дворе Марии-Терезии. Он сыграл важную роль в расследовании дела Розины Полакин (Rosina Polackin) 1755 г. и написал работу о вампирах, пытаясь показать бессмысленность преследования как живых, так и мертвых «подозреваемых». Проанализировав материал многочисленных эксгумаций, Ван Светен пришёл к заключению, что факт хорошей сохранности тела после смерти не означает превращения умершего в вампира. При этом, однако, он не сомневается в самом факте вампиризма, и указывает, что вампирами становятся, главным образом, грешники.

В заключение хочется отметить, что книга «Вампиры в славянских культурах» Т. Гарзы представляет собой интересное собрание материала и обладает несомненной ценностью с различных точек зрения. С одной стороны, это основательно составленный авторский учебник-хрестоматия к курсу «вампироведения», однако состав — настоящее «собрание пестрых глав», поскольку включает не только в стилистическом отношении разнородный, но по качеству подбора оставляющий желать лучшего материал. Сама структура хрестоматии заслуживает критики: проследить логику почти невозможно, очевидны лишь попытки расположить материал в хронологической последовательности. Отчасти эту непривлекательную сторону издания оправдывает стремление Гарзы охватить максимальный возможный объём поверий о вампирах, рассмотреть тему под максимально возможным количеством точек зрения. Вероятно, поэтому

в сборник помещены материалы по современной российской культуре, включающие поп-культуру, романы-фэнтези и кинематограф.

С другой стороны, привлекательной стороной издания являются ранее не публиковавшиеся переводы древнерусских текстов и интересных фрагментов славянского прозаического фольклора. Кроме того, с нашей точки зрения, особую ценность хрестоматии придают главы, которые содержат материалы из малодоступных и по этой причине представляющих интерес публикаций XVII–XX вв., позволяющих ознакомиться с малоизвестной информацией по европейскому, главным образом, славянскому фольклору и этнографии. В этой связи тот факт, что книга содержит столь разнообразный материал, может рассматриваться как черта положительная, демонстрирующая стремление составителя к объёмному освещению темы.

Е. Фрэнсис